

Сюжет из повседневной жизни Кирилло-Белозерского монастыря конца XVIII века

Л.В. ТЕРЕБОВА, зав. научным отделом

Монахами становились люди разных характеров, привычек и понятий, поэтому по-разному складывались и отношения между ними. Свойственные любому человеку симпатии к одним и антипатии к другим людям накладывали отпечаток на повседневную жизнь монастыря. Важная роль в урегулировании конфликтов между монахами и в контроле внутренней жизни монастыря возлагалась на настоятеля.

В Государственном архиве Вологодской области среди документов Кирилловского духовного правления (Ф.1147) хранятся дела, датированные XVIII веком, которые не только дают представление о непростых подчас отношениях между монахами, но и раскрывают нам детали повседневной жизни монастыря в этот период.

Серьёзный конфликт в среде монахов пришлось разбирать Арсению Тодорскому, бывшему архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря в 1792 - 1796 годах. В сентябре 1795 года монахами Кирилло-Белозерского монастыря был избит наместник того же монастыря иеромонах Иакинф, который 13 сентября 1795 года передал прошение архимандриту Арсению: «сентября 12 дня в исходе двенадцатого часа пошёл я от келии своей в тёплом халате и шапке для осмотра монастыря и ворот и зашёл к сторожам, взял от монастырских ворот ключи, с коими пошёл, как и прежде хаживал по монастырю, осмотреть все ли ворота заперты и с коих сходил прежде к Казанским, а потом к Троицким, Поваренным и на последок к Преображенским и, отперши оные, пошёл к монастырской пустоши, состоящей за монастырём посмотреть нет ли у оной лежавшим брёвнам и отрубкам тряты, осмотрев оные воротился назад, дошёл до сказанных Преображенских ворот с коих услышал разговариваю, отворивши оные спросил кто тут есть, на что мне сказано, что мы иеромонахи Флегоит, Моисей и иеродьякон Мельхесидек, притом сказали, что теперь ты наместник попал нам в руки, ты нас мучил с отцами, а ныне мы с тобой поквитаемся и стали меня бить ... и едва вырвавшись я от них из рук побежал в монастырь и кричал, на мой крик сторожка прибежавши меня от них отводили, от коих побоев и находясь ныне в болезни. Того ради вашего высокопреподобия высокопокорнейше прошу о защщении меня именованного от вышеписанных убийцев, благомилостивое, отеческое учинить разсмотрение».

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

Прошение было передано архимандритом в Кирилловское духовноеправление, где на него была наложена резолюция: иеромонахов Флегонта, Моисея, иеродьякона Мельхесидека допросить и о результатах допроса дождаться. Началось разбирательство по делу, постепенно накапливались материалы, подтверждающие вину монахов. Казначей иеромонах Платон осмотрел наместника и составил освидетельствование, в котором подробно перечислены многочисленные «раны и боевые знаки», обнаруженные на теле наместника иеромонаха Иакинфа. Сам наместник дополнил свои показания, сообщив архимандриту, что во время избиения на монахах были шубы, и попросил об освидетельствовании шубы иеромонаха Моисея, так как тот «более других таскал меня за волосы, то должны быть у него на шубе кровавые знаки», которые и были обнаружены при осмотре.

Архимандритом были допрошены и обвиняемые монахи, но они полностью отрицали свою причастность к избиению наместника. Так, иеромонах Моисей сообщил, что 12 сентября «в начале второго часа пополуночи» он вышел из своей кельи и прогуливался по монастырю, обошёл ворота, которые были все заперты, а «как пришёл к Преображенским воротам и, видя, что оные отперты, то, испугавшись, веротился в келью свою, и потом разбудил иеромонаха Флегонта и иеродьякона Мельхесидека, с которыми пришёл к Преображенским воротам... через некоторое время вошёл в те ворота сего монастыря иеромонах Иакинф весь разбит лицо его в крови»... Флегонт, Моисей и Мельхесидек взяли наместника под руки и хотели свести к настоятелю, но он начал кричать и пришли сторожа - наёмные монастырские работники мещанин Макар Семёнович Рыстаков 30 лет и крестьянин Гаврила Кирсанов 22 лет. «А где оной наместник был и кем он был мы не знаем», - закончил свои показания Моисей.

Сторожа тоже были допрошены в Кирилловской управе благочиния, где сообщили, что наместник иеромонах Иакинф вышел из кельи архимандрита в двенадцатом часу ночи и пришёл к сторожу Гавриле Кирсанову, взял у него от монастырских ворот ключи и огня и пошёл в свою келью. Позже, в первом часу пополуночи, пробивая часы, Кирсанов услышал крики у Преображенских ворот, обойдя соборную церковь и положа доску, он разбудил второго сторожа и они побежали к Преображенским воротам, которые оказались отворены и увидели людей - это были иеромонахи Флегонт, Моисей и иеродьякон Мельхесидек, они вели под руки упирающегося наместника к архимандриту, избиения же наместника монахами сторожа не видели и подтвердить этот факт или опровергнуть они не смогли.

Свидетелями монастырской жизни становились не только наёмные работники монастыря, но и горожане. Показания по рассматриваемому делу дал кирилловский мещанин Кирилл Шейкин - знакомый иеромонахов Флегонта и Моисея. 4 октября Кирилл Шейкин, встретив наместника Иакинфа у земского суда, оскорблял его и кричал «знаешь ты наместник, что тебя били монахи молотками» и «что де били исправно». Сообщение о данном инциденте было отправлено в Кирилловскую управу благочиния, а 19 ноября Кирилл Шейкин

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

добровольно и собственноручно написал заявление: «Я, нижеподписавшийся, сообщаю, что я входил в келью иеромонаха Моисея и в оной говорил мне, что они с иеромонахом Флегонтом и иеродьяконом Мельхесидеком были наместника монастыря Иакинфа». Показания против своих приятелей-иеромонахов Шейкин стал давать не случайно – вскоре его ожидала отправка в рекруты и перед отъездом он хотел попросить в монастыре прощения за своё непристойное поведение: «не малой мятеж, бой и грабёж, вологодской дьяконицы дерзость и озорничество» против архимандрита, «клевету на наместника и замахивание на него с сквернословным ругательством стулом».

Окончательно картину ночного происшествия прояснило чистосердечное признание иеродьякона Мельхесидека. Желая очистить свою совесть 31 октября 1795 года иеродьякон направил архимандриту Арсению прошение: «с 12 на 13 число в ночь пришел ко мне иеромонах Моисей к келии, стучал у дверей, к кому я вышел, спросил кто такой стучится, на что мне помянутой иеромонах Моисей сказал: «иди к Преображенским воротам кои полы имеются» и, сказавши мне оное, ушёл, я же надев на себя полушибок сошёл к воротам в коих уже были иеромонахи Моисей и Флегонт, у коих я спросил, что зачем вы здесь, а они мне сказали, что ворота не заперты, и во-оных стояли мы с часу времени, кои отворились и помянутые иеромонахи спросили кто идёт, на что им сказано, что я наместник, иеромонах же Моисей спросил его наместника где были все указанные часы, от кого я ответа никакого не слышал, и из них иеромонахов, а который именно не упомню, сказал ему наместнику, тот де и надобен, ты нас морил в цыпи, а теперь мы с тобой поквитаемся, которые иеромонахи Моисей спереди, а Флегонт сзади схватили наместника, на землю сроня били, потом выволокли за ворота и там были же, притом иеромонах Моисей приговаривал «не бей по голове, а в другом месте как хочешь», а чем были, того я за ночным временем не заметил, точно после иеромонах Флегонт мне сказал, что он наместника от келии своей ключом по лбу ударил, коим и прошиб ему голову, я же монах Мельхисидек был обломком от кирпича. Наместник кричал, караул и сторожей кликал, коих сторожей бежавших мы услыхав битья перестали наместника, а взяли его под руки, повели к настоятелю и объявили, что взяли его за воротами битого, а кто его был не знаем, при коим битья наместника на иеромонахе Моисее точно была нагольная шуба, после чего той же ночи иеромонах Моисей пришедши от настоятеля в свою келью между прочими разговорами сказывал мне при иеромонахе Флегонте, что ему Моисею о выходе наместника за ворота дал знать бывший тогда по найму за штатного служителя сторожем Гаврила Кирсанов, к поданному же 14 числа того сентября объявлению якобы наместника увидели избитого, которое объявление сочиняя и переписывал Кирилл Шейкин, подписался ложно я по убеждению и устрачиванию сказанных иеромонахов». В дополнение к поданному настоятелю прощению иеродьякон Мельхесидек сообщил: «1-е, когда он Мельхесидек с иеромонахом Моисеем после битья повели к настоятелю наместника, то иеромонах Флегонт с ними не пошёл, а остался в Преображенских воротах, а

наутро, сказывал, что *де ежели б меня призвал в то время настоятель то бы беда наша была, потому что де у меня у кафтана полы в крови были, которой нынешним утром вымыл, 2-е, по приходе от настоятеля он с иеромонахами Моисеем и Флегонтом к Моисею в келью Флегонту, которой в ту неделю был чередным служащим, пришёл же где оставшуюся от прежде купленного за общие их иеромонаха и его Мельхесидека деньги штофа горячего вина бутылку они иеромонахи и он Мельхесидек распили.*

На основании признания иеродьякона Мельхесидека было принято решение повторно допросить иеромонахов и устроить им очные ставки. 16 ноября в Кирилловском духовном правлении иеродьякону Мельхесидеку и иеромонахам Моисею и Флегонту «*в присутствии даны очные ставки*», на которых Мельхесидек утвердил поданное прошение, а Флегонт и Моисей подтвердили лишь ранее сказанное.

Тем не менее, к 20 февраля 1796 года в результате расследования, проведённого в Кирилловском духовном правлении на основании прошения иеромонаха Иакинфа и резолюции архимандрита Кириллова Белозерского монастыря Арсения сложилась следующая картина: «*иеромонахи Флегонт и Моисей имели запирательство в битии наместника иеромонаха Иакинфа, но ложно*», поскольку во-время допросов выяснилось, что, во-первых, никого постороннего в ночь избиения ни в монастыре, ни возле него не видели ни иеромонахи, ни сторожа, во-вторых, при осмотре шубы иеромонаха Моисея на ней были обнаружены пятна крови, в-третьих, несмотря на то, что иеромонахи выгораживали друг друга, «*дружественное обхождение имели и друг на друга ссылались*», в их показаниях были выявлены разногласия, благодаря которым «*дерзновенный их поступок обнаруживается*».

В качестве наказания за избиение наместника иеромонахам Флегонту и Моисею было назначено «*через целое годищное время запретить священнослужение, сняв с них клубки с камилавками, находиться в монастырской чёрной работе в оном же монастыре*», иеродьякону Мельхесидеку, учитывая его чистосердечное признание «*в содеянном им наместнику преобидении и битие*», назначено «*через следующую великую четыреденницу в каждый день выдержи по двадцати по счёту поклонов*». А так же было принято решение обязать всех троих строжайшей подпискою «*дабы впредь не чинили никому озлобления, и вели себя добродорядочно, соответственно их званию монашескому*».

Строгий выговор получил и наместник Иоакинф за то, что без разрешения архимандрита в ночное время ходил за монастырские ворота один, без сопровождения сторожа и никого о своём выходе не известил. С наместника так же была взята подпись о том, чтобы «*он впредь без ведома и без дозволения его высокопреподобия ничего по монастырю само собою не чинил, а всегда б по должности своей испрашивал у его высокопреподобия повеления*».

По окончании следственного дела иеромонахи и иеродьякон расписались в том, что с производством дела согласны. Любопытна расписка наместника

Иакинфа: «*Слушал сей эпитетат и за причинённый мне от иеромонахов и иеродьякона бой я, наместник иеромонах Иакинф, по должности христианской и любви прощаю и впредь никакого к ним недружелюбия иметь не буду, в чём и подписываюсь.*»

Параллельно в октябре – ноябре 1795 года в Кирилловском духовном правлении рассматривалось дело по заявлению архимандрита Арсения о знакомстве Кирилловских иеромонахов Флегонта и Моисея и иеродьякона Мельхесидека с находящимся под следствием кирилловским мещанским сыном Кириллом Шейкиным. По мнению архимандрита мещанин Шейкин по своему качеству монастырю опасен и с таким человеком знакомство водить монашескому званию предосудительно, поэтому он «*просит призвать духовноеправление взять с указанных монахов подпиську, чтобы никто из них сказанныго Шейкина к себе в келию ни в какое время и ни под каким предлогом не приглашал и ни впускал и нигде бы с ним, Шейкиным никакого сообщения не имел, и ту подпиську за их руками представить ко мне при рапорте*», что и было сделано. В отношении же самого Шейкина 5 ноября 1795 года от архимандрита последовала резолюция: «*хотя бы и надлежало за учившим в монастыре сказанным Шейкиным поступок требовать законного удовлетворения, но как со званием моим несходственно, чтобы за обиды искать мщения, для того в пользу городового общества иск в оказанных тем Шейкиным нагости и обиды оставляю с тем, чтоб тот Шейкин обязан был с прежним поручительством подписько дабы он впредь от таковых предерзостей удержался и впредь в монастыре ни под каким видом входа не имел, о сём с предписанием сего духовному правлению в городовой магистрат сообщить.*»

Несомненно, рассмотренные документы освещают лишь частный эпизод из монастырской жизни, тем не менее, знакомство с подобными документами даёт нам не только любопытную информацию о событиях, происходивших в Кирилло-Белозерском монастыре в XVIII веке, но и рассказывают о регламенте монастырской жизни, об обязанностях монастырских сторожей. Однако при изучении этих документов возникает много вопросов. Так не вполне понятна озлобленность в отношении наместника Иакинфа, поскольку не только иеромонахи имели цель «*поквитаться*» с наместником – им в этом помог монастырский сторож крестьянин Гаврила Кирсанов, сообщив о выходе наместника ночью за ворота, явно недолюбливал наместника и мещанин Кирилл Шейкин. Возможно, за излишнюю строгость и приверженность монастырскому уставу? Но здесь возникает другой вопрос – зачем Иакинф втайне от настоятеля выходил ночью за ворота монастыря - судя по показаниям участников судебного процесса эта прогулка заняла достаточно длительное время, тогда как обычно открывать Преображенские ворота даже днём разрешалось только с разрешения архимандрита. Возможно, наместнику было что скрывать от настоятеля... В поисках ответа на эти вопросы нужно учитывать непростые условия, в которых развивался монастырь после преобразований Петра I и реформ Екатерины II. XVIII век стал сложным периодом в истории русской церкви и Кирилло-

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

Белозерский монастырь тоже пережил период глубокой депрессии, отразившийся не только в экономике и хозяйственной жизни монастыря, но и в падении нравственности в среде монахов, многочисленных нарушениях монастырского устава, конфликтах между монахами. Об этом свидетельствуют нарушения монахами распорядка жизни в монастыре, которые были обнаружены в результате расследования - прогулки иеромонаха Моисея по монастырю и самовольный выход наместника Иакинфа за пределы обители в ночное время, распитие иеромонахами Флегонтом и Моисеем в кельях друг у друга «горячего вина». Но при этом мы видим, что христианские заповеди смирения и прощения в XVIII веке были по-прежнему близки и монахам, и мирянам, что способствовало урегулированию подобных конфликтов.